

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное агентство по образованию
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
Кафедра всеобщей истории
Лаборатория африканистики и востоковедения

Африканистика и востоковедение
в Ярославском государственном университете
имени П.Г. Демидова

*Сборник материалов
Всероссийской научной конференции,
посвященной десятилетию
Лаборатории африканистики и востоковедения
(1996 – 2006)*

17 января 2007 года

Ярославль 2006

УДК 930:061.2/.3
ББК ТЗ(6)я43
А 94

*Рекомендовано
Редакционно-издательским советом университета
в качестве научного издания. План 2006 года*

Африканистика и востоковедение в Ярославском государственном университете имени П.Г. Демидова: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, посвященной десятилетию Лаборатории африканистики и востоковедения (1996 – 2006) / под ред. Т.М. Гавристовой ; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2006. – 116 с.

ISBN 5-8397-0511-X (978-5-8397-0511-1)

В сборник включены тексты докладов и сообщений участников Всероссийской научной конференции, посвященной десятилетию Лаборатории африканистики и востоковедения кафедры всеобщей истории Ярославского государственного университета

Материалы конференции публикуются в авторской редакции.

*Издание осуществляется
при финансовой поддержке исторического факультета
Ярославского государственного университета
им. П.Г. Демидова*

УДК 930:061.2/.3
ББК ТЗ(6)я43

ISBN 5-8397-0511-X (978-5-8397-0511-1)

© Ярославский
государственный
университет, 2006

ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

А.С. Ходнев

Дискурсивные практики и восприятие ислама в Западной Европе и России в XIX веке

В 2006 году в российском гуманитарном знании произошло без преувеличения большое событие: вышел из печати, после анонса, а затем долгого ожидания с начала 1990-х годов¹, в русском переводе «Ориентализм»², на шумевшая книга Эдварда В. Саида, вокруг которой идут вот уже около тридцати лет серьезные научные и иные дискуссии³. Э.В. Саид первым американским изданием своей книги⁴ в 1978 году серьезно пошатнул авторитет всей западной науки о Востоке и его истории. Э.В. Саид обосновал концепцию критики колониальной политики, основанную на некоторых положениях постмодернизма (М.Фуко). Саид доказывал в своей работе, что колониальная власть нуждалась в особых способах репрезентации, и поэтому она использовала в XIX – XX вв. «ориентализм»: западный дискурс о Востоке. Востоковед-

¹ Сведения о подготовке русского перевода книги появились в 1995 году. См.: Саид Э. Ориентализм. Послесловие к изданию 1995. // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4. С. 33.

² Саид Э.В. Ориентализм. Санкт-Петербург: Русский Мир, 2006. 637 с.

³ Споры вокруг «ориентализма» так далеко удалились от научных дискуссий, что Э. Саиду приписывали содействие в радикализации исламистских движений и исламского фундаментализма, намекая на то, что первая публикация его книги почти совпала по времени с Исламской революцией в Иране 1979 года. Саид Э. Ориентализм. Послесловие к изданию 1995. // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4. С. 34).

⁴ Said E. W. *Orientalism*. N.Y.: Vintage Books, 1978.

ная наука на службе колониальной власти, по мнению весьма даровитого интеллектуала-памфлетиста, создавала лишь искаженные образы, далекие от реальной действительности и нареченные им «ориентализмом». Последнему термину, с легкой руки Э. Саида, была уготована примечательная судьба – им стали обозначать все вольные и невольные фальсификации представлений и знаний о Востоке. Остается открытым вопрос, что собой представляла российская востоковедная наука в XIX-XX вв., и имеет ли она те же цели и корни, что и западный «ориентализм»?

Как бы мы не относились к исследованиям Э. Саида, следует признать, что изучение дискурсивных практик представляет собой не просто некую игру интеллекта. Дискурсивные практики особенно в области такой важной проблемы как история ислама, образы ислама, возникавшие в представлениях западной элиты, оказывали влияние на процессы принятия политических и иных решений, влиявших на судьбы целых народов. Дискурсивные практики составляли важную часть контекста. Изучение поведения государств в условиях международных кризисов привело многих исследователей к заключению, что не существует свободных от контекста поступков политической элиты, на мнение которой обычно опираются главы государств, принимающие решения. Известный публицист и главный редактор журнала «Россия в глобальной политике» Ф. Лукьянов, один из немногих, кто поставил под сомнение какое-либо влияние идеологии на внешнюю политику: «Главное заключается в следующем: внешнеполитическая практика в значительной степени не является прямой производной от интеллектуального климата, сложившегося в обществе и элите»⁵. Правда, это вывод сделан относительно противоречий российской политики начала XXI века, и он не исключает опосредованного влияния контекста на принятие решений.

Следует признать, что помимо базовых систем и структур международных отношений, влияющих на действия государств в международной политике, обычно, упоминается много причин, факторов, "переменных" и "постоянных величин". Все это и вхо-

⁵ Лукьянов Ф. Внешняя политика России: Технократы против идеологии // Неприкосновенный запас. 2005. № 5 (43).

дит в понятие контекста международной политики. Согласно выводам канадского исследователя Г. Гоэрца, существует достаточно сильная степень зависимости между государством и средой вокруг него – контекстом⁶, важной частью которого в свою очередь является история (дискурс).

Одно из ярких определений, что представляет собой дискурс, дал М. Фуко в предисловии к своей книге: "Мне бы хотелось, чтобы книга не сводила собственный статус к статусу текста – с этим прекрасно справится педагогика или критика, – но чтобы ей хватило нахальства объявить себя дискурсом, иначе говоря, одновременно сражением и оружием, стратегией и ударом, борьбой и трофеем или боевой раной, стечением обстоятельств и отголоском минувшего, случайной встречей и повторяющейся картиной"⁷. Следовательно, дискурс ислама в западной или российской интеллектуальной среде должен был стать проявлением, прежде всего, интереса/отсутствия интереса к самому предмету и к Востоку в целом, а также политикой/отсутствием политики в отношении исламских регионов. Наиболее влиятельными, на наш взгляд, в XIX веке были представления об исламе формировавшиеся в Германии, где была создана мощная философская традиция, воздействовавшая на всю интеллектуальную жизнь Европы, а также в России, соприкасавшейся непосредственно с миром ислама и, отчасти, представлявшей собой для европейцев часть самого Востока, а следовательно того Иного/Другого, изображения которого часто на западе отождествляли с Востоком.

Считается, что немецкий философский дискурс XIX – начала XX века почти полностью игнорировал ислам. Духовные поиски немецких ученых на Востоке к тому же были связаны, в основном, с Индией. Книга Фридриха Шлегеля "Язык и мудрость индийцев", вышедшая в 1808 году, лекции Гегеля о религии, публиковавшиеся с 1829, а также записки Карла Маркса о Британской Индии, являлись главными вехами немецкого философского ин-

⁶ Goertz G. Contexts of International Politics. N.Y.: Cambridge univ. Press, 1994. P.1-3.

⁷ Фуко М. История Безумия в классическую эпоху. Санкт-Петербург, 1997. С. 22.